

Шелковый тревожный шорох

детектив из глубинки

18+

Лидия Луковцева

Лидия Луковцева

Шелковый тревожный шорох

«Автор»

2020

Луковцева Л.

Шелковый тревожный шорох / Л. Луковцева — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99096-8

Пятая книга серии "Детектив из глубинки" повествует о маленьком уральском городке под горой, на месте старого поселения золотопромышленников. Но не самородок, утаенный старателями, стал причиной целой цепочки трагедий. Давним подругам придется выяснить, насколько личные мотивы и старые скелеты в шкафах могут быть страшнее золотой лихорадки.

ISBN 978-5-532-99096-8

© Луковцева Л., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Чуча	5
Швондер	19
Страус	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лидия Луковцева

Шелковый тревожный шорох

Чуча

– Пожалуй, пора уже мне и честь знать! – сказала Зоя Васильевна за ужином.
– В каком смысле? – не поняла Людмила Петровна.
Или сделала вид, что не поняла. Зоину маесту она заметила уже пару дней как.

– В том смысле, что надо домой собираться. В гостях, как говорится, хорошо...
– А говорила, что подольше погостишь! – взвилась Людмила Петровна, Люся то есть. – Говорила: как же у вас хорошо, так бы и осталась насовсем! Только грибы пошли после дождей! Или ты уже по воле соскучилась, а грибы тебе – поперек горла? Не хозяйка ты, Зайка, своему слову! Не хозяйка!

– Ну почему не хозяйка? – вяло отшучивалась Зоя Васильевна. – Хочу, даю слово, хочу – беру обратно!

Реакцию подруги она предвидела, потому и маялась уже несколько дней, не решаясь объявить о своих планах. Планы эти в ночных думах вызревали постепенно. И, наконец, вызрели окончательно.

– Люсенка, конечно, у вас хорошо, я же не спорю! А разве у нас плохо? Неужели ты забыла? – Зоя Васильевна даже глаза закрыла мечтательно. – Утречком раненько сбегашь на Волгу окунуться, над водой еще туман клубится... Водичка – как парное молоко! Волны на берег накатывают... Солнышко только показалось. Тишина, иногда только рыба плеснет... Запах речной свежести, дышишь – не надышишься...

– «Любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла», – попыталась мотивировать Зоино решение Василиса.

– Есенин, – дополнила Зоя Васильевна, если кто забыл, с молчаливой признательностью принимая ее заступничество. Только взглядом поблагодарила.

– Помолчи! – раздраженно отмахнулась от Василисы Людмила Петровна. – Мелочи пузатой слова пока не давали!

Василиса была соседкой Комаровых, и по возрасту всем присутствующим годилась в дочери. Люся так ее и воспринимала – как дочь. А кроме того, Василисина манера подкреплять свое мнение чужими цитатами Люсю порой очень раздражала. Ее ненаглядная подруга Зоя страдала тем же недостатком, и за долгие годы их дружбы порядком достала этой своей невинной привычкой.

Переселившись из родного Артюховска в Ильменск, Людмила Петровна в этом плане утратила Зою, но обрела Василису, как будто и не уезжала никуда. Тоскуя по родным волжским краям и подруге, она скучала даже по этой ее привычке, которая теперь, на расстоянии, казалась Люсе даже милой. Но два живых цитатника на сорок семь квадратных метров ее жилплощади – в определенные моменты это был перебор.

– И Леночка там одна с ребенком, – продолжила аргументировать Зоя Петровна. – Тяжело ей, и помочь некому...

– Там свекровь имеется. И Леночке твоей было так тяжело, что месяц назад она тебе прямым текстом объявила, что не нуждается в твоих услугах. И спасибо ей огромное, а то мы бы тебя здесь и не увидели!

Толик, муж, дипломатично помалкивал. Подруга жены – это святое, а как же! Он был рад приезду Зои Васильевны, в меру, конечно, и гостеприимство его было отнюдь не показным, но... Гостям, как известно, радуются дважды: когда они приезжают и когда уезжают. В их-то весьма немолодом возрасте, с кучей болячек и уже усвоенной привычкой, что жена с ним одним носится, как с писаной торбой... Словом, длительное присутствие в доме чужого человека незаметно стало его напрягать.

– А ты чего молчишь?! – адресовалась к нему жена.

Толик меланхолично пожал плечами: мол, я-то тут причем? И что я могу поделывать?

– Ясно с тобой, – зловеще обронила Люся, не дождавшись поддержки, и в воздухе заискрило.

Тут во дворе залилась лаем Джулька, собачка звонкая, но дружелюбная.

– Сама такая! – грубо ответили ей. – Или у тебя, Джулия, крыша от старости едет, что ты меня узнавать перестала? Или я так долго в этом доме не была?

Джулька устыдилась и лаять перестала: вновь прибывшая, и правда, была у них частой гостьей. А может, обиделась собачка, поскольку пребывала в расцвете юности.

– Чуча пожаловала, – известила Василиса чисто для проформы: и так все поняли, кто пожаловал.

– Сейчас сорочить начнет! – вздохнула Люся.

– А то ты и не рада! – ухмыльнулся муж. – Свежие сплетни принесет! Свежайшие!

Люся скривилась и пошла встречать гостью. Толик достал из серванта еще одну рюмку, Василиса принесла из спальни стул.

– Мир дому сему! – возвестила, входя, гостья.

Чуча, в миру – Татьяна Семеновна Ельцова, тоже уже весьма не первой молодости, была женщиной невысокой и с аппетитными формами. Болотного цвета куртка-плащевка еще прибавляла ей объема. Если уж быть точным, как раз в миру она и была Чучей, а Татьяной Семеновной – по паспорту.

– Трапезничаете! – сдвигая капюшон и являя взорам экстрамодную, ультракороткую «тифозную» стрижку, констатировала Чуча.

Черты лица у нее были правильные, носик пряменький, симпатичный. Нежно-голубой «ежик» на голове совсем ее не портил, даже молодил.

– Как это я удачно попала! – она, казалось, была искренне удивлена сим фактом, как будто у большинства людей не было заведено ужинать именно в это время суток.

– Как она, жизнь молодая? Как здоровье? – озаботилась гостья, отпихивая ногой возникшего из спальни на ее голос сонного котяру антрацитовый черноты. – Брысь, Мурзай! Вечно лезешь под ноги!

Официально кот звался Кара-Мурзой, но каких только вариантов не придумывала для него Чуча в каждый новый свой приход! Это стало для них игрой. Кот Чучу обожал, откликался на все клички, так и норовил забраться на руки. Угнездившись у нее на коленях, не мурлыкал, а всхрапывал от блаженства и всю облюновывал.

У Чучи, как у всякого нормального человека, тоже имелась своя слабость: она любила ходить в гости. Причем норовила подгадать именно к тому времени, когда люди трапезничали. Кого-то это раздражало, а кто-то, наоборот, радовался ее визитам: у Чучи всегда были самые свежие новости.

Ее и сплетницей-то нельзя было назвать – она никогда не делилась слухами и домыслами. Только факты, таково было ее кредо. К тому же, она обычно приходила со своей бутылкой: нальют или не нальют хозяева еще неизвестно, а так – в любом случае к столу пригласят, да еще и желанной гостьей сочтут.

Не только ради выпивки приходила она в гости. Иногда и рюмка ее оставалась нетронутой, если Чуча была в «завязке». Ей нужна была компания, а точнее, аудитория.

Соблюдая правила вежливости, Татьяна Семеновна беседу всегда начинала с вопросов за жизнь и о здравии. В Василисином шутовском изложении это звучало «как живете, как животик?», по Маяковскому. В принципе, вопросы были чисто риторическими и не требовали немедленных ответов. Чуча прекрасно была осведомлена о положении дел у всех соседей.

– Садись с нами, Семеновна! – совладав со своими растрепанными чувствами, пригласила Люся, смирившись с несвоевременным визитом. – Мы сегодня опять немного набрали, вот, опятьницей балуемся. Да груздей я уже посолила баночку. Внучке Зои Васильевны сегодня полгодика, немножко отмечаем.

Чуча чиниться не стала и из кармана куртки-плащевки выудила бутылку водки.

– Серьезная дата! За это грех не выпить!

– Спрячь, спрячь! – велела Люся. – Сегодня наш праздник!

– Вася, а ты дома-то бываешь когда? – поинтересовалась Чуча, разоблачаясь.

У Чучи глаз-алмаз. К тому же она не была любительницей особых церемоний: что думает, то и говорит. Василиса и в самом деле, с тех пор, как приехала Зоя Васильевна, у Комаровых бывала едва ли не чаще, чем у себя дома. Они с комаровской гостьей почти сразу прямо-таки прикипели друг к другу.

– Бываю... иногда, – не стала заводиться Василиса. Что есть, то есть, хотя, казалась бы, какое кому дело?

– А дочка-то где же?

– Уроки учит. А скорее всего, в ноутбук пялится.

– Они сейчас все так! У них такое время-пре-про-вож-де-ни-е, – старательно выговорила Чуча длинное слово. – Какую я вам сейчас чучу расскажу, обалдеть! – обычным своим зачином начала Татьяна Семеновна. – От Генки-Страуса пассия сбежала!

– Да ты что! – ахнула Люся. – Сбежала-таки? Это какая же по счету? Четвертая?

Чуча прикинула на пальцах.

– Пятая, если вторую считать за два раза.

Василиса расхохоталась, даже Толик, не большой любитель бабьих сплетен, изогнул бровь и ухмыльнулся. Одна Зоя не въезжала в ситуацию и улыбалась отстраненно, за компанию.

– Бедный-бедный Гена! – пособолезновала Люся. – У Геннадия Николаевича не клеится личная жизнь, – объяснила она отстраненной Зое Васильевне. – Он знакомится с женщинами в Интернете. Они приезжают к нему, живут какое-то время – у него хороший, добротный дом, ухоженная усадьба, прямо поместье, многие на это клюют. Но почему-то долго не задерживаются. Вроде и мужик неплохой, добросердечный. И работяга, и рукастый. Почти не пьющий. Семьи хочет, а вот пооди ж ты! Только одна, говорят, больше года продержалась.

– Третья по счету, Галина, – дополнила Люсю Чуча. – Но он ее сам выгнал. Корыстная уж очень была. Еще не песен ни басен, а уже сразу в ЗАГС стала тянуть и даже венчаться. Мол, от Бога грешно, а от людей стыдно сожительствовать. Уж прямо такая стыдливая! А Генка хоть и туха, но со временем все же нюанс просек. Ну, и наладил ее к маме с папой в родное село коров доить. Тут недалеко село-то!

– Не получилось у нее стать горожанкой. Очень уезжать не хотела, даже уже и сожительствовать согласна стала.

– Но хозяйка была неплохая, нет, неплохая! – не покривила душой Чуча. – Тут почти сразу Изольда у него нарисовалась. А с нынешней, Наташкой, они уже как-то начинали строить любовь, лет еще шесть-семь назад, да стройка у них тогда что-то заморозилась. Когда Изольда к Прапоридзе переметнулась, Наташка вдруг опять нарисовалась, и решили они, видать, этот долгострой закончить. Но что-то там у них пошло не так.

– Фундамент дал трещину, – предположила Вася. – Наверно, с самого начала на песке строить начали.

– Этого я не знаю, – покачала головой Чуча, верная своему принципу – только аргументы, и только факты.

– А может, это Изольда под недостроенное здание подкоп ведет? – предположила Люся. – Они же с Наташкой, ты говорила, в последнее время прямо не разлей вода! Может, надумала обратно к Гене вернуться и раздобывала у Наташки информацию об их неурядицах, чтоб ей подгадать? Как говорится, тихим бздехом... На войне как на войне!

– Нет, разве Изка от своего Прапоридзе уйдет! Он же бывший военный, у него пенсия большая. И из Грузии его родня без конца посылки шлет. Чурчелы-мурчелы там всякие, сациви-мациви! И отдыхать они туда ездят... Нет, Изка к Генке не вернется. Он же – лох, по ее мнению. У него деньги сквозь пальцы, как песок. Никаких накоплений. То есть, как сейчас говорят, никакой финансовой подушки. Короче, уж очень она жадная!

– Лох-то лох, а регистрироваться с ней не спешил! – возразила Люся.

– Так он ни с кем не спешил.

– Просто он обычный бабник! Морочит женщинам головы, меняет как перчатки.

– Нет, он не бабник! Вернее, бабник не совсем обычный. Его обстоятельства вынуждают бабником быть. Наверно, судьба такая. А может, венец безбрачия кто наколдовал.

– Ты же говорила – Галина корыстная! – напомнила Зоя Васильевна. Она совсем запуталась в пассиях Генки-страуса, тем более, что бескорыстных среди них не наблюдалось.

– А какие же другие, некорыстные, из своих краев-домов к незнакомому мужику поедут замуж?!

– Ну, за любовью... Одиноких женщин полно. Каждая думает: а вдруг судьба?

– Очень даже вероятно, – внес лепту Анатолий Михайлович. – У вас, баб, нет пророка в своем отечестве. В родном селе да городе одни пьяницы, дебилы да нищоброды обитают. А вот в краю далеком – сплошь принцы да олигархи!

– Просто женщины так устроены, у них в душе всегда живет надежда на чудо, – не согласилась Зоя Васильевна.

– И она, типа, умирает последней! – саркастически усмехнулся Толик.

– А с чего это ты, Толян, взялся женщин критиковать? – удивилась Люся.

– Ни-ни! О присутствующих – только хорошо! Я в том смысле, что выросло поколение новых женщин, в душах которых, чтобы отыскать нечто романтическое, нужно хорошенько порыться. Если, конечно, не брать в расчет парфюмерных голубок из Хацапетовки.

– Из Хацапетовки – доярки!

– Да, но какие! Французский – в совершенстве, кулинарные изыски – раз плюнуть!

– Ага, конечно, за любовь они едут! – поддержала Толика Чуча. – Этот лопух Страус, он же сразу фотку на фоне своей фазенды выставляет. Такой, типа, крутой помещик, землевладелец! Что-то тургеневские девушки к нему не приезжают!

– Как не приезжают, – возразила Василиса, – одна приезжала, между Галиной и Изольдой.

– Эта не в счет. Она совсем мало у него побывала. Приехала незаметно, мышкой пожила и так же незаметно убралась. Мы ее и не разглядели толком, и как зовут забыли. Прощмыгнет в библиотеку – и назад с сумкой книжек, читать-читать-читать! Как Ленин на чердаке в анекдоте. А у Генки пахать надо, вон какой домина, да сад-огород. И поесть он любит.

– Ну, нет, учет должен быть точным, – не согласилась Василиса. – Эта мышка, выходит, четвертая, а Изольда тогда – пятая. А Наташка – шестая, и странно было бы, если б ей больше всех повезло.

– Это почему?

– Шестерка – несчастливое число, число дьявола.

– Наташка – это номер два и номер шесть, – подсчитывала Людмила Петровна, – Галина – номер три, Мышка – четыре, Изольда – номер пять... А что ж ты номер первый пропустила?

– Ну, тут особый случай. Трагедия, можно сказать. Номером первым в этом стаде страусих была Светка. Он со Светкой в одном классе учился. Она Гену, грубо говоря, бортанула. Пока парень служил, она замуж выскочила. А когда его официальная жена, Оксана, от него ушла, то есть, Генка ее ушел... Ну, создал пред-по-сыл-ки, чтоб она уехала, так у них со Светкой по новой начало склеиваться. Вот с ней он даже зарегистрироваться хотел, они тогда уже года полтора вместе жили. Да сама Светка не слишком торопилась второй раз в ЗАГС бежать. А потом убили ее.

– Как убили?! – ахнула Зоя Васильевна.

– Да так. Шла домой с работы, фонари не горели, все перебила шпана местная. В темноте ее и догнали. Немного до дома не дошла. То ли ограбить хотели, то ли изнасиловать. А она, видать, сопротивляться вздумала. Или, может, помешал кто, спугнул. Не ограбили и не изнасиловали, сумка чуть в сторонке валялась, и в сумке – кошелек с зарплатой. Утром ее нашли.

– А что же Генка? Он что, не искал ее, не встречал?

– Он сутки дежурил. Как раз утром вернулся, а ее уже нашли. Его дома милиция ждала.

– Поймали убийц?

– Нет, не поймали. Как на грех, дождь ночью шел, все следы смыл. Гена долго тогда переживал! Любил ее. Холостяковал все, да природа свое берет. Молодой же еще мужик, сорок три ему. И трудно одному, и в дом хозяйка нужна. Родня далеко, родителей похоронил. Вот такая чуча. Хороший посол, – кивнула она одобрительно Люсе, отправляя в рот соленый груздочек. – Быстро ты научилась, однако.

– Так воблу же всю жизнь солила! – польщенно отозвалась Люся.

– А почему Страус? – заинтересовалась Зоя Васильевна. – Гены, которых я знаю, сплошь все Крокодилы.

– А он и был Крокодилом, до тех пор, пока Вася в наши края на жительство не перебралась. А как перебралась, так Генка превратился в Страуса.

Василиса запунцовела.

– Он толстый, – объяснила она как-то невразумительно.

– И какая же связь? – не поняла Зоя Васильевна.

– У него нет детей! Ни от кого!

– Ну и?..

– Ну, я читала, что от толстых страусов птенцы не рождаются. Яйца у страусих получаются какие-то бракованные.

– Ты думаешь, из-за этого? – недоверчиво протянула Чуча. – А вот взять, скажем, Батона, он не сильно толстый, а детей с Валькой у них тоже нет.

– Да ничего я не думаю! Ляпнула тогда просто!

– Ляпнула она! А мы тут головы сломали, с чего это «Страус»? Вот я – Чуча, так тут все понятно. А то – Страус!

– Так вы... знаете?.. – прямо-таки багровой стала Василиса.

– Как же мне не знать, если меня уже и в глаза Чучей называют!

Татьяна Семеновна снисходительно усмехнулась.

– Всю жизнь я Ельциншей была, – обернулась она к Зое Васильевне. – А то иногда еще и Наиной назовут. А как Вася поселилась в Ильменске, стала я Чучей. У Васи язычок острый, скажет – как припечатает. Прямо талант на прозвища! Она у нас, можно сказать, крестной матерью для улицы стала.

Василиса скромно опустила глаза долу.

– Да мне-то и не обидно, я человек не-по-ли-ти-зи-ро-ванный, – со вкусом выговорила Чуча (любила, видать, высокий слог, или же от телевизора не отлипала, но, по крайней мере, ученые слова вставляла в лад и впазд), – Да и Ельцин мне никогда не нравился – страну развалил. Даже обидно было с ним ас-со-ци-и-роваться. А тут на тебе – Чучей стала! Просто, по-человечески, и, главное, понятно! А Генке обидно, потому что непонятно, какой-то подвох подозревает. И не такой уж он и толстый, ты преувеличиваешь. Он крепко сбитый и в меру упитанный.

– Вы ему не говорите! – попросила багровая Василиса.

– Не скажу, – легко пообещала Чуча.

– И другим тоже, а то ведь передадут ему!

– Ладно, и другим, – вымолвила она с некоторой заминкой.

Интересно, сдержит ли слово?

– Люся, а вы-то кто же? – заинтересовалась Зоя Васильевна.

– А они у нас Комарами стали, сразу как приехали – проинформировала Чуча, опередив с ответом Людмилу Петровну. – Или ты, Вася, и для них припасла что-нибудь? Втайне?

Василиса помотала головой – нет, не припасла, но глаз не подняла. Видно, была у нее в заначке другая кличка и для Комаров, но дружба налагала определенные обязательства.

– А кого ж ты еще окрестила? – смеялась Зоя Васильевна.

– А вот зачем далеко ходить? – ухмыльнулась Чуча. – Изольдин нынешний муж, так он у нас Прапоридзе!

– Почему Прапоридзе?

– Да все же на поверхности! – объяснила Василиса. – Всю жизнь прослужил прапорщиком, во внутренних войсках... Грузин... Кем же ему еще быть?

– Действительно, – согласилась Чуча.

– А вот – Батон? – подключился Толик. – Или – Дюндель?

– Ну, Батон у нас какой? Блондин, прямо-таки альбинос, румяный, пухленький. Глазки темные – изюминки. Фамилия – Хлебников. Все же на поверхности!

– Действительно! – уважительно повторила Чуча.

– А Дюндель? – не унимался Толик.

– А у Дюнделя нос даже для кавказского мужчины, каковым у нас является Тенгиз Гаевич Балоев, выдающийся.

– Так Рубильник или, там, Носорог?

– В наших краях так говорят про большой нос – с дюндедем!

- А в каких это ваших, Вася? Ты откуда сама-то? – заикнулась Зоя Васильевна.
- Я-то? Ох, я издалека!

Василиса ушла от ответа и на этот раз. Никак не могли допытаться ни Люся, ни Зоя, с которой, вроде бы, Василиса сдружилась, ничего про ее прошлую жизнь, до появления ее в Ильменске.

- Ну, если следовать твоей системе, то ты должна быть Почтальоншей? – попробовала угадать Зоя Васильевна (девушка работала на почте). – Тебя-то как нарекли?
- Тепло!
- Тогда... почтарка?
- Горячо!
- Ну, уж я и не знаю...
- Почтарь.
- Да почему же в мужском роде?!
- Ну так Васька же! Должна же быть какая-то хохма в прозвище!

* * *

Еще пару лет назад супруги Комаровы, как и Зоя Васильевна, проживали в маленьком – сто тридцать тысяч населения – поволжском городке Артюховске. Коренные артюховцы, потомственные волжане, они и помыслить не могли, что на старости лет окажутся на Южном Урале, в таком же маленьком городке под названием Ильменск, раскинувшемся на берегу потрясающей красоты озера и окруженного горами. Причиной тому стали проблемы со здоровьем у Анатолия Михайловича: сердечные дела, начинающаяся астма и еще кое-что... Буке-т, словом.

Люся и Толик дружили со школьной скамьи, сразу после окончания школы поженились, родили сына Виталика и жили вполне счастливо. До тех пор, пока на пути Толика не возникла женщина по имени Нина. Она была хорошей женщиной, но вцепилась в Толика мертвой хваткой. Разве только хищницы уводят у жен законных мужей? Любовь, что вы хотите...

Толик рвался между двумя женщинами в силу врожденной порядочности, к тому же никак не мог разобраться, которая ему дороже. Тогда и начались у него проблемы с сердцем. Люся восприняла его измену как предательство (да и как иначе могла ее воспринять?), а Нина – как заслуженный подарок, посланный ей судьбой, награду за годы одиночества ([Л.Луковцева. "И нас качают те же волны"](#))

Люсе бы перетерпеть, перемучиться, перестрадать, а там, глядишь, все бы и образовалось. Говорят, так поступают умные женщины. Люся не была дурой, но была гордой. Муж еще в больнице в то время лежал после инфаркта, и обе женщины навещали его параллельно, пока Люсю добрые люди не просветили. Дождавшись, когда Толик встанет на ноги, она собрала ему чемоданы. Один Бог знает, чего ей стоило продолжать навещать его в больнице, не подавая вида, пока не поставили на ноги...

А потом много чего происходило в жизни обоих. Происходила жизнь. И Толик был хорошим человеком, и Нина неплохой женщиной, и жили они вроде бы ладно, но Толик все хирел и уже почти совсем угас. Он, наконец, разобрался, кто же все-таки для него дороже, да и по сыну тосковал очень, а выросший Виталий знать его не желал и к внучкам не допускал.

В конце концов, теперь Нине пришлось пережить то, что когда-то пережила Люся. А Люся, что уж вовсе было не в ее характере и раньше казалось делом немыслимым, блудного мужа не только простила, но и приняла назад. Вернее, последовательность была обратной: сна-

чала приняла, а потом простила, как это ни странно звучит. И Виталику сказала: это наши дела, а не твои. Разберись в своей семье ([Лидия Луковцева. «Не от стыда краснеет золото»](#))

Выхаживая блудного мужа, Люся приняла трудное решение: уехать из родных краев, из отчего дома, от любимого сына и внучек – в неведомое. Сорвались в белый свет, говорила она.

Приживались трудно. Но, как ни странно, за два года успели привыкнуть и к городу, и к людям, приноровиться к непредсказуемому климату, освоить тонкости уральской кухни. А уж природа! Горы, хвойные леса, озера с чистой водой, перед красотой которых меркнет даже красота пойменной Волги. А воздух!

Толик заметно пошел на поправку. А вот ненаглядная подруга Зоя, увы, уральскими красотами не прониклась. То есть, прониклась, но недостаточно.

Все же Люся зудела. Зудела и зудела, пока не смогла ее убедить пожить в Ильменске еще хоть недельку. Тем более, что синоптики обещали в ближайшую неделю классическое бабье лето.

Всю эту неделю собирались посвятить лесным прогулкам: Зоя оказалась страстной поклонницей пятой охоты. Она уже научилась отличать волнушки от поганок и даже освоила местные названия грибов. К примеру, подберезовики – обабки, а сыроежки – синявки.

И лес был к ней щедр, у них возникла взаимная симпатия: Зоя Васильевна никогда не возвращалась домой с пустым ведерком. Да и ягод порой ей удавалось набрать: брусники, иногда немножко припоздавшей земляники, не совсем вызревшей, но все равно ароматной.

С тем расчетом и билет заказали – через неделю.

* * *

Люся и Толик разбрелись в разные стороны, а Василиса все никак не отлипала от Зои, так и бродили по лесу вдвоем. Не столько грибы собирали, сколько языками мололи. Девушка словно наговориться хотела впрок, да и сама Зоя печалилась, предвидя скорое расставание.

Как ни грустно, но приходилось признать, что с дочерью Леной таких близких и теплых отношений у них не было никогда, а уж в последние годы особенно. Большую часть вины Зоя Васильевна возлагала на себя. За то, что не смогла стать для дочери самым близким человеком.

Возможно, определенную роль сыграла работа в школе – она преподавала русский язык и литературу. Недолго, правда. У учителей, как правило, на воспитание своих детей времени не остается, лишь бы накормить да худо-бедно обиходить.

Из школы она все же ушла. Потом работала в библиотеке, где, хотя и не надо проверять горы тетрадей, писать планы-конспекты к урокам, тоже хватает и писанины, и всяких других нюансов. Это только непосвященные считают, что библиотекари лишь тем и занимаются, что читают книги.

Но Зоя, себе в утешение, грешила еще и на гены. Леночка и внешне была поразительно похожа на ее покойную маму, даже походка один в один, и характер у нее уже с подросткового возраста проглядывал бабушкин – женщины суровой, не слишком общительной и обладающей талантом держать дистанцию и ставить на место любого. Никогда не возникало у Лены порыва прижаться к маме, пошептаться, посекретничать. Дочь росла неласковым ребенком, росла себе и росла.

Сначала Зоя Васильевна стеснялась заводить с ней разговоры на деликатные женские темы – мала еще. Потом просто стала подсовывать подходящие книжки. Увы, Леночка их не читала. А потом как-то вдруг оказалось, что она выросла и уже сама пресекала слабые попытки матери чему-то ее научить и о чем-то предупредить.

Как-то третья их подруга, Людмила Ивановна, Мила, царство ей небесное, сказала Леночке:

– У тебя замечательная мать!

Лена усмехнулась:

– Моя мать, возможно, замечательный человек, но она никак не может понять, что я уже взрослая женщина. Она несколько опоздала с процессом воспитания. Чему она сейчас может меня научить? За ней самой присмотр нужен!

Зоя Васильевна и сама себя корила, что мать она не самая лучшая, но не до такой же степени! Сказанные дочерью, возможно в запале, слова всю оставшуюся жизнь жгли ей сердце. Но, говорила она себе, что заслужила – то и получаю.

Лена не разделяла вкусов матери вообще ни к чему, особенно ее страсти к чтению, и легко раздражалась. Справедливости ради надо сказать, что, имея взрывной характер, она была отходчивой. И с отцом отношения у нее были тоже прохладными.

А вот Василиса была открытой, ласковой без приторной навязчивости. А еще – безумным читателем. Читала бессистемно, скакала по верхам, но при ее неиссякаемом любопытстве и отличной памяти все прочитанное укладывалось в «закрома» и становилось полезным багажом.

У них даже мысли порой совпадали: Зоя начинает что-то говорить, а Василиса подхватывает и продолжает мысль именно так, как хотела ее сформулировать сама Зоя Васильевна. И реакции у них на многое были схожими. Они быстро сошлись, и так естественно, без приглаждений друг к другу и напряжения, когда хочешь понравиться человеку и непроизвольно ему подыгрываешь. Налицо было не просто родство душ, а как у Киплинга в «Маугли»: мы с тобой одной крови.

Оказывается, так бывает. Как странно, думала Зоя, ведь это совершенно чужой человек!

...Они неторопливо брели по шуршащему золотому ковру. Когда-то Мила мечтала попасть в осеннюю сказку, а осуществить ее мечту довелось Зое. Пьянил непередаваемый запах лесного осеннего увядания, гниющей листвы, омытой дождями хвой.

Лес преображался неравномерно: одни березы были уже сплошь желтого цвета, в кронах других еще проглядывала зеленая листва. Попалась забавная группка: высокая старая береза в почти сплошь пожелтевшем наряде, рядом – чуть пониже и помоложе – еще с прозеленью, а вокруг с десятков разного роста невысоких молоденьких березок еще целиком в зеленых платьицах.

– Детский сад на прогулке, – сказала, глядя на них, Зоя Васильевна.

– Шелковый тревожный шорох, – откликнулась тихонько Василиса, и Зоя Васильевна в очередной раз вытаращила глаза.

– Вася, ты не поверишь, но именно эти строки и мне сейчас пришли на память!

– Просто подходит моменту! Стереотип мышления. Шорох и правда какой-то тревожный, так и хочется оглянуться. И – шелковый, попробуйте сказать лучше! Правда, там дальше у По уже не по нашей теме:

Шелковый тревожный шорох
В пурпурных портьерах, шторах
Полонил, наполнил смутным
Ужасом меня всего...
И чтоб легче сердцу стало,
Встав, я повторил устало:
Это гость лишь запоздалый
У порога моего.

– Гость какой-то запоздалый у порога моего, гость, и больше ничего, – продолжила Зоя Васильевна. – Тебе нравятся стихи Эдгара По?

– Да я его поэзию и не знаю толком. Ну, «Ворона» вот кусочек помню. Рассказы понравились. Один из родоначальников детектива, так ведь? Ой, смотрите, обабок!

Глазастая Василиса ринулась к холмику вспученных листьев, палкой поддела их, и из-под листы явилась взорам светло-коричневая шляпка крепенького подберезовика.

– А вон еще один!

Зоя Васильевна тоже углядела подберезовик, а потом сыроежку. Периодически покривали недалеко ушедшие, но не видимые Люся и Толик, Василиса с Зоей откликались. Комаровы были еще не слишком опытными лесными людьми и далеко в лес заходить не решались. Чтобы в лесу хорошо ориентироваться, надо в нем вырасти.

Вернулась Василиса, похвастались друг перед другом своими трофеями и побрели неспешно дальше.

– Вася, а вы с Чучей, то есть с Татьяной Семеновной, дружите? Она же, вроде, выпивает?..

– Это вы мягко выразились, Зоя Васильевна! Чуча, то есть Татьяна Семеновна, зело выпивает! Проще говоря, она запойная. Что, однако, не мешает ей быть очень хорошим человеком. Редкостной порядочности человек. Однажды она мне здорово помогла, можно сказать, спасла, вытащила из отчаянной ситуации. И я этого по гроб жизни не забуду, сколько бы она не пила.

– Расскажешь?

Лицо девушки, заметила Зоя, омрачилось.

– О себе? Расскажу... как-нибудь потом. Может, после вам напишу. Не хочется портить такой день! Я лучше вам расскажу про начало нашего с ней знакомства.

Василисе пришлось некоторое время пожить в доме Татьяны Семеновны и Николая Яковлевича Ельцовых.

– Я тогда попала в пиковую ситуацию. И вот привела она нас, меня с дочкой, к себе. Юльке тогда было шесть лет. Николай Яковлевич удивления не выказал, как будто так и надо. Выделили нам комнату, баню истопили, накормили (у меня за душой ни гроша). Татьяна Семеновна сказала – отдыхай и ни о чем не думай, все образуется.

А через несколько дней она сорвалась, запила. Пора ей пришла, так это между ними называется. И вот утром Николаю Яковлевичу на работу уходить (он механиком в автопарке работает), а жена в непотребном виде, и мы такие – чужие люди в доме, невесть откуда на голову свалившиеся. Но он, надо сказать, не о том переживал, что я могу их обокрасть и свалить...

* * *

Николай Яковлевич – Николка, Колян, Колюня, Кольша, как звала его жена в зависимости от настроения, утром внес из коридора ночную вазу – зеленого цвета выдавший виды эмалированный горшок. Поставил его в супружескую спальню возле двери, туда же отнес пустое старое цинковое ведро, пластмассовый кувшин, полный воды, да кружку. Потом в маленькую кастрюльку отлил из большой пятилитровой кастрюли три черпака супа, отрезал от буханки хлеба четвертинку и отнес туда же. После навесил на дверь спальни амбарный замок (только теперь Василиса обратила внимание на две замочные петли на дверях их спальни). Все – молча.

За дверью в спальне все это время тоже царил чуткая тишина, но, когда щелкнул два раза ключ в замке, из-за двери донеслось жалобное:

– Колюнь, а если я кушать захочу?

– Не помрешь, полагаю, с супом-то.

– Так, а – второе?..
– Это когда тебе второе требовалось при твоём обострении?
– А если мне плохо с сердцем станет?
– Таблетки в тумбочке.
– Фашист проклятый! Всю жизнь с тобой мучаюсь! Загубил мою молодость! Окно разобью и вылезу!

– Давай, действуй! Далеко не уйдешь. Обшоркаешься об стекла, тебя менты всю полосатую в кровище увидят – в кутузку загребут. Подумают, замочила кого по-пьяни.

Потом, поколебавшись, вынул из кармана ключ, положил на тумбочку и сказал ошалевшей Василисе.

– На всякий пожарный, мало ли что... Может, скорую придется... Но, если не по делу отопрешь ее, сразу выгоню.

– А если она будет проситься?

– Не реагируй! Пару-тройку дней под арестом – ей же на пользу.

И ушел. Едва дверь за ним захлопнулась, из спальни раздалось жалобно:

– Васенька, открой, пожалуйста!

– Не могу, тетя Таня! Вы же слышали!..

– Да он просто тебя пугает!

– Нет, не просите! Нельзя вам!

– Да с чего ты решила, что нельзя?

– Так дядя Коля же сказал!

– «Дядя Коля»! Дисциплинированная какая! А кто тебя в дом привел? Ну, тогда я тебя сама выгоню! Как только фашист на волю выпустит!

– Да я и сама уйду! Как дядя Коля вернется, так и уйду сразу. Нашли крайнюю! Разбирайтесь тут сами, – взъерилась Василиса.

– Васенька, прости, ради Бога! Я не то хотела сказать, не обижайся! Пожалей ты меня!

– Да не могу я! – чуть не плакала Василиса. – Дядя Коля вернется, а вас нет!

– Да я же только на часок... на полчаса! До магазина сбегаю, куплю бутылочку и вернусь. Он и не узнает!

Через час слезной мольбы, грубого шантажа и угрозы самоубийством Василиса сдалась. Татьяна Семеновна и правда управилась меньше чем за час. Вернулась заметно повеселевшая, покрасневшая и с явственным алкогольным душком.

– Быстро я? Теперь запирай меня, и я баиньки лягу. И все путем. А фашист пусть радуется!

Фашист не обрадовался. К тому времени, как он вернулся с работы и вошел в камеру арестантки, жена лыка не вязала. Одной бутылочкой дело не обошлось, и, мало того, она умудрилась пронести в свою камеру еще две. Каким макаром, Вася ума не могла приложить: входила тетя Таня в свое узилище с пустыми руками.

Николай Яковлевич выудил из-под кровати две бутылки из-под водки. На дне одной оставалось жидкости пальца на три-четыре. Дядя Коля с укором взглянул на Василису, но не сказал ни слова. И не выгнал, как обещал, только крикнул.

На следующий день Николай Яковлевич, уяснивший, что психика Василисы не способна выдвинуть заслон гипнотическим и ораторским способностям его жены (проще говоря, что охранник из Василисы никакой), принес из сарая моток толстой стальной проволоки. Вместо навесного замка он, побряхтев, с помощью пассатижей соорудил хитрую проволочную конструкцию – не Василисиними слабыми руками было ее распутать!

Узница чутко прислушивалась к несколько непривычным звукам за дверью, но гордо молчала. Наконец, полюбовавшись своим морским узлом и удовлетворенно крикнув напоследок, Николай Яковлевич отбыл, хлопнув дверью. Все это время Василису игнорировал.

Едва звук его шагов затих, подала голос Татьяна Семеновна.

– Васенька, открой, пожалуйста!

– Ну уж нет, – сказала подло обманутая в лучших чувствах Василиса, – не дождетесь!

– Я больше не буду, клянусь! Просто вчера так совпало, подругу встретила.

– Где гарантия, что вы сегодня еще кого-нибудь не встретите?

– Нет гарантии, – честно призналась Татьяна Семеновна. – Но если ты меня сейчас не выпустишь, я же и умереть могу.

– С какой это стати? – злобно осведомилась Василиса.

– Так ведь если алкоголику не налить, когда ему плохо, он запросто может умереть, разве ты не знаешь? Об этом все знают, и даже врачи родственников предупреждают! И как ты будешь дальше с этим жить?

С медицинскими проблемами алкоголиков девушка была мало знакома. Точнее, совсем не знакома. Но ведь Николай Яковлевич говорил вчера про таблетки, про скорую... Наверно, были у него основания все это упоминать и опасаться? А конкретно про такие моменты ничего не сказал, змей!

– Я тогда вам скорую вызову!

– Дождешься твоей скорой, как же! И что ты им скажешь? Они к пьяной и не поедут. Ты просто отопри меня!

– Да как я вас отопру? Дядя Коля тут проволокой все закрутил!

– Ну, тогда сбегай в баню. Там в тазу, где бельишко грязное сложено, я бутылочку припрятала! Как станет мне совсем плохо, я рюмочку себе и налью. Честное пионерское, только когда плохо станет! У меня сила воли знаешь, какая? Только ты уж попустрее, а то мне начинает плохо!

И перепуганная Вася сбегала.

– А как я вам ее подам?

– А ты под дверь подсунь!

Щель под дверью была приличная, но бутылка не пролезала. Василиса, лежа на животе, пыхла и вертела бутылку так и этак. Она была натурой увлекающейся, легко впадала в азарт, но любое начатое дело стремилась доводить до конца. Эти два взаимоисключающих свойства каким-то образом счастливо в ней уживались.

– Не лезет, зараза! – злилась впавшая в азарт Василиса.

За дверью тоже злилась тетя Таня.

– Осторожнее! Что ты по ней lupишь, как по классовому врагу? Разобьешь ненароком. Попробуй боком!

– Да я тогда вообще ее сейчас назад в баню отнесу! Или вообще выброшу. Или дяде Коле отдам. Поговорите мне еще тут!

– Подожди, Васенька, давай подумаем! – сбавила тон Татьяна Семеновна. – Вот все в нашей стране делается через назад! В Европе вон бутылки плоские делают, там, небось, люди так не мучаются!

– Вы-то откуда знаете?

– Да уж знаю! Довелось как-то импортного попробовать. Пойло! Но в красивой бутылке, в плоской!

Василису осенило.

– Вот что, тетя Таня, – воскликнула она с чувством некоторой даже гордости за свою смекалку, – я сейчас пластиковую бутылку поищу!. Есть же у вас в хозяйстве пустые пластиковые бутылки? Перелью в нее вино и слегка потопчусь по ней. Сплющу! Так-то она пролезет!

– Молодец, – одобрила Татьяна Семеновна. – Только я, как на грех, недавно все пустые бутылки отнесла на мусорку... Вот что! Ты в глубокую тарелку перелей водку и подсунь

под дверь. Тарелка-то пролезет. А ты потом ее вымоешь. Ни запаха, ни доказательств! Пусть фашист голову ломает!

Решение было гениальным по своей простоте...

– Вот такая Чуча, – закончила Василиса. – Сразу сделала меня соучастницей!

– А потом? – спросила Зоя Васильевна. – Николай Яковлевич догадался?

– Заметил, конечно! Вечером позвонил на работу и взял отгулы на неделю, как обычно в таких случаях. На работе его ценят и идут навстречу. Знают его обстоятельства.

– И он ни о чем тебя не спросил?

– Он утратил в меня веру! А частности его не интересовали.

– А он никогда не уходил от жены? Они не разводились?

– Дом-то его, родительский, куда он уйдет? И трое детей, сыновей поднимать надо было.

Но, я думаю, здесь не только это. Сдается мне, это любовь, как ни странно.

– А сыновья-то где же?

– Все женаты, живут семьями, только в разных местах, по области разъехались. Девять внуков. Внуки у них практически все лето, в любое время один-два обретаются. Тогда у тети Тани «великий пост». А проводят всех – она и «разговляется», начинается у нее расслабон после долгого воздержания.

– Значит, в руках себя может же держать?

– Ей сыновья сказали: будешь пить при детях, больше их не увидишь!

– Вот я всегда считала, что алкоголизм – это не болезнь, а распущенность и безнаказанность!

– Тут я ничего не могу вам сказать.

– Ну, а ты?

– Я вскоре нашла жилье. Бабушка одинокая живет, сын на Севере. Служил в Северодвинске, там и остался, семьей обзавелся. Денег она с меня за жилье не берет. За газ, за электричество плачу, ну, стирка-уборка на мне, естественно. Летом на мне огород. Прописала нас, Юлька в школу ходит. Нормальная бабулька. И город мне нравится, климат хороший... Меня все устраивает!

– Просто тебе везет на хороших людей!

– Да, пожалуй, – усмехнулась Василиса. – Ой, кажется, грузочек! – и девушка ринулась к старой березе с потемневшим снизу стволом.

Подушавшая Зоя Васильевна присела передохнуть на высохший ствол упавшего дерева. Дерево было выворочено с корнем, а рядом, у самого корня, выросла молодая береза. Под ней Зоя тоже углядела вспученный холмик. Наверняка груздь, да не один, груздочки обычно не растут поодиночке.

Женщина направилась к холмику. Немного правее от молодой березы, под торчавшим кверху корнем упавшего дерева, на котором она сидела, ветер нанес листву и причудливо уложил круглым ковриком. Зоя Васильевна автоматически поддела коврик палкой, и палка провалилась в воду.

Такое в лесу случается. Вывороченный мощный корень образовал яму, довольно глубокую. Дожди наполнили ее доверху. А сверху вода была замаскирована этим самым листовым ковриком. Сделай Зоя еще пару шагов вперед, она бы провалилась по пояс.

Хорошенькое дело! Женщина побултыхала в воде палкой, проверяя глубину и разгоняя листву. В воде пузырем всплыл кусок чего-то грязно-бурого. Ткани какой-то.

Зоя Васильевна зачем-то поддела его, но ткань на палке не повисла, не уцепилась за нее, а ушла обратно под воду. Она потянула сильнее – что-то там упорно не хотело ни всплыть, ни отцепиться.

– Чем это вы тут занимаетесь? – крикнула, приближаясь, Василиса.

- Да вот, – невразумительно объяснила Зоя Васильевна. – Чуть не провалилась.
- А что вы отсюда хотите выудить?
- Сама не знаю... Какая-то ткань...

Любознательная Василиса тоже подключилась со своей палкой, и объединенными усилиями они приподняли над водой бывший красный, а теперь грязный и вылинявший рукав чего-то: куртки ли, плаща ли. Из рукава торчала рука. Вернее, кисть. Вернее, то, что когда-то было ею.

Василиса заверещала по-заячьи, а у Зои Васильевны, наоборот, пропал голос.

Швондер

Анатолию Михайловичу последние дни недужилось. То ли модная метеозависимость, то ли страшная их лесная находка подействовала. Хотя вот у Зои Васильевны с сердечком тоже не все ладно, но она держалась неплохо. А Толик глотал таблетки.

От кареты скорой помощи отказывался, говорил, что это уж не крайний случай. Еще говорил – ну, чем там они мне помогут? Ну что, укол ширнут?

Людмила Петровна металась по дому мрачнее тучи, но с мужем спорить даже не пыталась. Знала, что Толика не переупрямить. Она разрывалась между мужем и подругой-гостьей, хотя гостье эти жертвы и на фиг были не нужны.

Сейчас Люся, пожалуй, уже по-другому восприняла бы Зоино желание уехать. Но молодой следователь, опрашивавший Зою Васильевну с Василисой в машине, прямо в лесу, на месте их ужасной находки, убедительно просил ее задержаться хотя бы на несколько дней, дескать, могут возникнуть дополнительные вопросы. Какие такие вопросы могли к ней-то возникнуть? Но разве могла она отказать?

– Вы же не торопитесь? – спросил. – На работу вам не надо. Вон у нас какая погодка установилась! Погуляете еще по лесу. У вас на Волге ведь нет таких лесов?

– Таких – нет, – неохотно подтвердила Зоя Васильевна.

Люсе с Толиком было сейчас не до лесных прогулок. Василиса работала, да и у Зои вдруг остыло желание бродить по тропинкам и чащобам. Но чего ж дома сидеть? Она надумала погулять по городу.

Комаровы купили домишко в южной части Ильменска. Когда-то, в незапамятные времена, это был центр поселка старателей. Отсюда и рос в длину и ширину будущий город Ильменск.

Центр города давно уже переместился в новостройки, на северо-восток, ближе к озеру. Там находилось градообразующее предприятие – эвакуированный в годы Великой Отечествен-

ной машиностроительный завод, так и оставшийся после в Ильменске. Южная же часть, исторический центр, теперь именовалась старым городом.

Как и в их Артюховске, в старом городе, превратившемся постепенно в окраину, наблюдалось запустение. Даже несмотря на обилие коттеджей, выросших, как грибы после дождя. Одно-, двух- и даже трехэтажные каменные дома бывших владельцев, удачливых золотоискателей и золотопромышленников, облезлыми фасадами и выбитыми стеклами окон вызывали сострадание. И почему это у наших людей вид брошенных домов прямо какой-то зуд рождает: немедленно выбить окна? Что-то мистическое в этом есть!

Наследники, видимо, отсутствовали. Или не хотели вбухивать деньги в старье, хотя это старье могло бы еще не один десяток лет служить приютом и кровом. Деда наши строили на века, для потомства. Вот и подумаешь волей-неволей о тщете земного!

Кое-каким домам досталась более счастливая участь. В них обитали различные городские учреждения, и поэтому выглядели они прилично. Таким везунчиком было здание, в котором размещалась почта, место работы Василисы.

В данный момент девушка отсутствовала, разносила почту по участку. Зоя Васильевна купила набор открыток, выпущенных к юбилею Ильменска, несколько значков с местной символикой (лось, замерший в гордой позе, и сосна на фоне озера). Как же возвращаться домой без сувениров?

Выйдя с почты, Зоя задумалась: куда теперь?

Через дорожку, наискосок от здания почты, в чистеньком, ухоженном, симпатичном двухэтажном особнячке, из тех, к кому судьба была благосклонна, уже почти полторы сотни лет располагалась библиотека. Особнячок когда-то был построен местным лесопромышленником, тем и обуславливались его сравнительно небольшие габариты. Вероятно, торговля лесом была менее доходна, чем добыча золота. Или, вполне возможно, менее хлопотна и более надежна.

А может, первый владелец особнячка был просто скромным человеком и не любил тратить деньги понапрасну, пуская пыль в глаза? Кто их знает, этих купцов и промышленников! Во всяком случае, библиотека здесь разместилась вполне вольготно: на первом этаже – детский и взрослый абонементы, на втором – просторный читальный зал, с великолепной потолочной лепниной.

Зоя Васильевна как-то заходила сюда с Василисой. Можно и сейчас зайти, попросить что-нибудь почитать домой. Свежий номер «Иностранки», например. Милая женщина Лариса – библиотекарь читального зала, приятельница Василисы, не откажет ей и без местной прописки. Вася составила протекцию.

Приняв решение, женщина направила стопы в сторону библиотеки.

– «Иностранка» еще не пришла, – сообщила Лариса. – А вы не хотите почитать что-нибудь другое, по краеведению, например? Из истории Ильменска? Уверяю вас, это будет вам интересно! Вася говорила, вам очень понравился наш город! Вот недавно книжечка вышла местного автора: «Мой отчий край», хотите?

– С удовольствием читаю, сколько успею! Вот спасибо! Мне ведь скоро уезжать...

Она улыбнулась, любуясь Ларисой, женщиной необычайной красоты, иконы бы с нее писать.

– Правда, не знаю точно, когда. Я временно невыездная.

– Да, слышала про вашу страшную находку, – передернулась женщина. – Это из-за нее? Боже мой, и это – в нашем тихом славном городке! Впрочем, в тихих славных городках еще те черти водятся. Кстати, вы не были в нашем краеведческом музее? У нас замечательный музей!

– Нет, к сожалению, – ответила Зоя Васильевна, слегка недоумевающая, почему это «кстати»? Что за странная цепь ассоциаций: найденный в лесу женский труп и краеведческий музей? – Но я обязательно схожу! Завтра же! Как-то я это раньше упустила, хотя музеи люблю? Лесом очаровалась. А вы, я вижу, фанатка не только библиотечного, но и музейного дела?

– Там когда-то работала моя подруга... – погрузилась Лариса. – Света Усольцева. Вот она была истинной фанаткой музея и патриоткой нашего города! Сколько она знала! Ее можно было слушать бесконечно и безотрывно!

– А почему так грустно и в прошедшем времени? – пошутила Зоя Васильевна. – Рассорились или дороги разошлись?

– Ее тоже убили, – просто сказала Лариса. – Несколько лет назад.

– Как? Подождите... Света? Усольцева? – пролепетала Зоя Васильевна.

– Вы что-нибудь слышали об этой истории? – подняла от формуляра голову Лариса. – Ну конечно, в любом случае должны были слышать от кого-нибудь.

– Не знаю, о ней ли... она была подругой Геннадия Кошелева?

– Ну да, была. Собирались пожениться.

– Господи, какой кошмар! Бедная женщина! Бедный Геннадий!

Лариса дернула уголком рта – не то усмехнулась горестно, не то поморщилась.

* * *

Речка, в которой, говорят, еще не так давно купалась ребятня и ловилась рыба, а когда-то даже золото намывали, заросла ивняком и крапивой. Обмелела настолько, что и речкой-то ее язык не поворачивался назвать. Так, ручеек с покачивающимся на слабеньком течении хламом: пластиковыми бутылками и пакетами. У ручейка не хватало сил даже унести пластиковый мусор дальше.

Но прозрачности ручеек был удивительной! Все камешки на дне можно было пересчитать.

Зоя Васильевна стояла на мостике, деревянном, но крепеньком, недавно отстроенном, даже дерево не успело потерять желтизны, и, наклонившись, разглядывала камешки в воде. А вдруг блеснет золотой самородок! То-то будет сувенир! В этом городке, если верить рассказам его обитателей, золото просто под ногами валяется.

Речушка петляла, пропадала временами в зарослях бурьяна и опять выныривала на простор.

– Этакая настырная речушка! А ведь ее еще можно спасти, – подумала женщина. – Если бы нашелся настоящий хозяин городу.

– Мадам, если вам пришло в голову покончить с собой, то откажитесь от этой пагубной мысли! Только покалечитесь, а жить будете! – раздался голос у нее за спиной.

Зоя Васильевна аж подскочила. Мужчина подошел неслышно, хотя комплекции был не мелкой. Широкоплечий, кряжистый, разве что не из породы гигантов. Росточку Бог не дал особого, был он чуть повыше самой Зои Васильевны.

В годы ее молодости рост Зои считался классическим. Она так и хвасталась: у меня рост Венеры Милосской, сто шестьдесят четыре сантиметра. А теперешние юные акселератки снисходительно поглядывают с высоты своих ста восьмидесяти на малорослых мам и бабушек.

Напугавший ее мужик был не старый. Во всяком случае, много моложе Зои Васильевны, хотя морщинами уже обзавелся. В камуфляжной робе – в таких сейчас половина мужиков ходит, особенно рыбаки и охотники. Лицо то ли от роду смуглое, то ли потемневшее с возрастом, то ли загоревшее да обветренное от частого и долгого пребывания на воздухе. Темно-русые волосы коротко подстрижены, а виски совсем седые. Макушку венчает легкомысленная кепочка. На лице щетина трехдневная, никак не меньше. На плече – объемистая спортивная сумка, из нее торчит сложенный спиннинг.

– Я как раз думаю над этим вопросом, – отшутилась Зоя Васильевна, отметив, однако, про себя: ну и черный юмор у мужика! – А вы что ж, в этом водоеме осетров промышляете? – послала она ответный удар, не зная, какая самая крупная рыба водится в здешних местах.

– Из этого водоема разве что лягушку можно выудить! Да сейчас не сезон, спят они уже, попрятались. Хотя пацанами мы еще здесь купались. Я в городском пруду промышляю, там еще кое-что водится. Да в разрезах несколько лет назад ротан появился.

– А что это – разрезы?

– Бывшие карьеры, где золото добывали. Они постепенно заполняются подпочвенной водой и становятся вроде маленьких озер. Сегодня мне не очень повезло, – объяснил он, уловив Зоин заинтересованный взгляд на сумку. – Пяток чебачков да щучка небольшая.

– Ну, вы здесь просто на золоте живете! – засмеялась женщина. – Золото везде, в земле и в воде! Просто ходи себе по улицам, не поднимая головы, и собирай самородки.

– Зря смеетесь. Вот через этот мостик лет этак десять-двенадцать назад девочка шла в школу. У самого мостика споткнулась о камень, упала. Камешек был небольшой, она, разозлившись, пнула его раз-другой, а потом стала выковыривать. Выковыряла и решила оставить себе, он ей понравился. А в школе показала учительнице природоведения.

– И что?..

– Да то, что камешек оказался золотым самородком. Его дождями постепенно вымыло, он и оголился.

– Да это просто ваша местная сказка! Поезжайте в любой город, там вам обязательно расскажут какую-нибудь легенду про местные диковины.

– Никакая не сказка и не легенда! – обиделся мужчина. – Об этом случае в газетах писали. Не верите, сходите в библиотеку, вам вырезку покажут. Или в наш краеведческий музей. Там такая выставка камней и минералов всяких! Они подтвердят, что это не легенда.

Второй раз за последние полчаса ее посылают в музей!

– Обязательно схожу! – пообещала Зоя Васильевна.

– А вы, если не ошибаюсь, гостья Комаровых? Та, что с Волги?

– Она самая, – не сильно удивилась женщина такой осведомленности. Сама жизнь прожила в таком же маленьком городке. И все же спросила для проформы: – А вы откуда же знаете?

– Я недалеко от вас живу, через три улицы. На горе, ближе к лесу. Лесная, восемь, милости просим. А приходите в гости, правда! Я вам фотографии старого Ильменска покажу, моя мать в свое время фотографией увлекалась. Альбомов с десятков накопилось. Меня Андрей Викторович зовут. А вас?

Зоя Васильевна представилась.

– Ну что, Детдомовец, пойдем?

Зоя перевела взгляд на молчаливо сидевшего у ног хозяина черного пса. Не породистого, но вида весьма овчаристого, с умным взглядом карих, в черном ободке, глаз. Пес вильнул хвостом, поднялся и так же неспешно, как и хозяин, направился следом за ним.

– Ну и кличка! – подумала Зоя Васильевна, глядя им вслед. – Детдомовец! И эта шуточка: «Мадам, не собираетесь ли вы покончить с собой»? Мрачная личность. Однако разговорчив, и в гости пригласил. С чего вдруг? Совершенно незнакомого человека? Или эта простота нравов свойственна всем маленьким городкам?

Улицу Лесную она знала. Когда они с Люсей и Толиком впервые поднялись на гору Лосиную (тут все горы имели названия), и перед ними раскинулась широкая панорама, у Зои просто дух захватило от красоты неопишуемой. На уровне глаз протянулась гряда гор, голубеющая от сосновых лесов, словно туманом окутанная.

Когда же взгляд опускался вниз, то в чаще, окруженный цепью гор, обнаруживался город. В центре его располагались одно-, двух- и трехэтажные каменные особняки стародавних бога-

теев, с такой высоты кажущиеся маленькими коробочками. А вокруг них разбегались в разные стороны и карабкались на горные склоны совсем уж спичечные коробки – домишки рабочего люда.

Домишки тоже были разные, как позже убедилась, бродя по городу, Зоя Васильевна. Немало среди них стояло крепких бревенчатых строений. Даже двухэтажных, построенных, видимо, мелкими купцами и мастеровыми с приличным достатком. Комаровы и сами жили в таком добротном, на века строенном, с расчетом на многочисленных наследников доме. С крытым двором, просторной баней и хозяйственными постройками.

Принадлежала им, правда, только половина дома. Хозяйкой второй половины была та самая бабуля, чей сын обрелся на Севере, и у которой квартировала Василиса с дочкой. А когда-то хозяин у всего дома был один – владелец скобяной лавки.

Комаровы жили на улице Новослободской, у подножия Лосиной горы. Несколько улиц рассредоточилось уже по склону и добралось чуть не до ее вершины.

– Как люди там строились? – недоумевала Зоя сразу по приезде. – И как они там живут? Ну, сейчас на склонах коттеджи лепят, так всякой техники полно. Опять же, грунт можно навозить, подсыпать, площадку выровнять... А прежде? И потом, пока с продуктовой сумкой туда-сюда поднимешься или спустишься, одышку заработаешь! Не у всех же есть машины? И машинам туда какво карабкаться? А мамочкам с колясками? А почтальонам с сумками? Бедная Вася!

– Живут и не бедствуют! – отмахивалась Люся, которую эти проблемы не волновали. – И поздоровее нас с тобой будут, никаких тебе болей в суставах. Поподнимайся-ка туда-сюда! Огороды разбивают не меньше наших. И лес рядом, хвоей дышат. А у Васи участок в низине, она его на своем велосипеде объезжает. И потом, пирамиды ведь тоже как-то строились!

Справедливости ради надо было отметить, что настоящего веками хвойного воздуха хватало не только Люсиной улице. Тем, что поближе к центру, тоже перепадало вполне достаточно.

Ах, если бы можно было им запасть впрок и увезти с собой в Артюховск! Набить до отказа рюкзаков лесными ароматами и открывать его по мере необходимости!

Запиликал в кармане плаща телефон. Звонила Люся.

– Ты где? Давай поторапливайся, обед готов! Я блинов напекла. Зайди в магазин, какой на пути попадет, купи сметанки! – голосок у Люси был веселый.

– Все в порядке?

– В порядке! Толику получшело, слава Богу! И денек вон какой золотой!

Да, до этого Люся и не замечала, какие золотые деньки установились.

* * *

Где-то пропадавшая несколько дней Чуча сегодня явилась к обеду.

– Дюндель с Лосиной горы две корзины опят принес! – выпалила она, едва усевшись за стол и даже позабыв об обычном своем «как живете, как животик?» – Завтра пойду, поброжу! Желает кто со мной?

Василиса, заскочившая на обед и попавшая к Комаровым на блины, дожевывая блин с жареными грибами, помотала головой:

– Работаю же!

– Даже не мечтай! – сурово бросила Люся пошевелившемуся мужу. – Чуть-чуть оклема! Пропустишь один раз. Мы с Зоей сами сходим.

– Я вообще-то завтра в музей хотела...

– Чего это тебя надрало? Нашла способ время-пре-про-вож-де-ния! – изумилась Чуча. – Такие денечки стоят! Ловить момент надо, а то без грибов останемся. Их и так в этом году не больно много. Домой-то что повезешь?

– Да мне тут сегодня про ваш музей рассказов понарасказали! Как это я раньше туда не выбралась?

– А кто понарасказал-то?

– В библиотеке. И еще один такой... брутальный мэн... Андреем Викторовичем зовут.

– Андрей Викторович?.. А какой он из себя?

Зоя принялась описывать.

– Так это Швондер!

– Швондер?... А при чем здесь Булгаков?

– Булгаков здесь ни при чем, – сказала Людмила Петровна. – Это еще одна жертва Васиной фантазии.

– Никакой фантазии, – пояснила Василиса. – Так моя любимая бабуленька Бусенька говорила.

– А что говорила твоя любимая Бусенька?

– Я маленькой, когда выпрашивала у нее что-нибудь, слонялась за ней по дому и канючила. Она сердилась: "Что ты за мной швОндяешь все время? ШвОндяет и швОндяет, как блоха по кобелю, туда-сюда, туда-сюда!"

– А Швондер – швондяет?

– Еще как! Но пусть вам тетя Таня расскажет, она лучше знает! Я с ее слов его нарекла, так-то я его не особо знаю.

– Именно что швондяет! – подтвердила тетя Таня. Из дома в дом, из дома в дом! Как перчатки дома меняет!

Андрей Викторович в здешних местах жил не очень давно, по меркам старожилов. Первый свой домишко он купил ближе к центру, недалеко от той самой речушки, где Зоя Васильевна с ним встретилась. Больших денег, видимо, не имел, потому как купил развалюшку и постепенно отстраивал ее своими руками.

Вскоре домишко продал и купил другую такую же развалюшку. Отстроил – и тоже продал. А дальше пошло: купил-отстроил-продал. Просто хобби у мужика какое-то необычное.

Народ судачил: допустим, он с этих продаж навар какой-то имеет, так ведь все на ремонт да реставрацию каждой следующей развалюхи уходит. Уж купил бы домишко и обустроивал его, вкладывал средства постепенно и доводил до ума! Но – нет! Вот и стал он однажды Швондером, с Василисиной легкой руки. Она в этих народных дебатах тоже невольно участвовала, ведь по долгу службы дворы обходила.

Что характерно, в каждый вновь купленный дом он сразу принимался проводить газ, а это ведь удовольствие не из дешевых.

– Наверно, из теплолюбивой породы, – предположила Зоя. – Хотя по виду и не скажешь. Не хиляк какой-нибудь. Задубевший! Я же говорю, брутальный мэн. Еще и небритый.

– Нет, – не согласилась Чуча, – вот мы с Коляном какие теплолюбивые, а русскую печь не ломаем! Ее же ни с чем не сравнишь! Зимой на улице морозы трещат, а мы печечку березовыми полешками истопим – живое тепло, и дух совершенно другой в доме! Да на печь вскарабкаешься, каждую косточку прогреешь, никакой радикулит не устоит! И многие умные люди так. Заметила, возле каждого двора поленницы дров?

– Я думала, для бань.

– Для бань, конечно, тоже.

– А Швондер, значит, печи ломает?

– Как въедет, так и ломает, а кирпичи на тележке вывозит, сваливает где-то. Ци-ви-ли-зо-ван-но жить хочет, паразит! Как белый человек, без печной копоти в доме!

– Так все хотят. Почему "паразит"?

– Так кирпичи куда-то деваает?! И возит, и возит! Скорее всего, в лесу поблизости сваливает. Мало там туристы мусора оставляют после себя. Каждую весну эти... волонтеры... тимуровцы, по-старому, мешками собирают.

– Так сказали бы ему!

– Так и говорили! А кто кого сейчас слушает? Ну, так вот. Однажды случился как-то сильнейший ливень, вода с гор не ручьем, потоком текла. И у Швондера сразу после ливня возникла какая-то острая нужда до центра дойти. Он и пошел, сапоги обувши. И чуть от дома отошел, в переулке, в траншее, промытой стекавшей с горы водой, заметил небольшой желтый камешек. Потом еще один обнаружил, чуть подальше. Я бы, например, мимо прошла: ну, камешек и камешек. А Швондер у нас на золоте зацикленный, все про него знает. В тот день мужику крупно повезло – нашел сразу два золотых самородка. Детвора с тех пор долго еще после каждого дождя чуть не носом перекапывала улицу.

– И что? Хоть кому-то повезло?

– Тому же Швондеру и повезло еще раз. Через год примерно нашел он еще один самородок, но покрупнее, чем первые два. В том же переулке, что и в первый раз, только чуть пониже. Тоже после дождя нашел. Вот как можно его в грязи заметить? Только нюх на него надо иметь.

– Я слышала, удача любит тех, кто за ней не гоняется. Может, и золото так же?

– Может и так. Но мужики сразу стали говорить, что Швондер эти старые хибары не просто так скупает-продает. Обратили внимание, что он сразу начинает перекапывать двор. Ну ладно, огород, а то ведь весь двор, от забора до забора! Да и картошку на такую глубину не сажают. Золотишко искал, как пить дать! И вполне возможно, находил, а потом этот спектакль устраивал с вымытыми дождем самородками.

– Но он же их сдает куда-то?

– Естественно! Кому же в тюрьму охота? Какую-то сумму за это получает. Думаю, очень неплохую.

– Но это же все может быть просто вашими домыслами?

– Может, – не стала спорить Чуча. – За руку, как говорится, его никто не поймал.

– И что ж, никто на него не "настучал"?

– Ну, как без этого? Само собой, кто-то написал-заявил. В очередной перекопанный его двор заявили с проверкой. И ничего! Никаких следов золота в грунте. Отстали. Пусть себе копает, может, хобби такое у человека. А то еще было такое предположение: может, он какой секрет знает, чтоб плодородие почвы улучшить, для этого и копает глубоко? Ну или там, новый способ изобрел картошку сажать? Или дренаж устраивает?

– Он мне про девочку рассказал, которая возле мостика самородок нашла. Это правда?

– Это как раз правда. Может, такая находка его и натолкнула на мысль. А про себя, значит, он не рассказал? Поскромничал?

– Не рассказал. Но в гости пригласил. Обещал показать фотографии старого Ильменска.

– Чего-о-о-о? – у Чучи от удивления буквально челюсть отвалилась. – Швондер? В гости?

Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд!

– А что такое? – обеспокоилась Зоя Васильевна.

– Да то, что в гостях у него мало кто бывает. И если уж он кого-то изредка приглашает, то баб помоложе, для естественной надобности, мужик-то нестарый. Он возраста как сосед мой, Гена. С чего это ему в ум пришло незнакомую старую тетку в гости зазывать? Извини, конечно. Может, это и не с ним ты разговаривала?

– Сказал, Лесная, восемь, милости просим! И собака у него, зовут Детдомовец. С такими умными глазами.

– Нет, – засмеялась Татьяна Семеновна, – зовут ее, то есть его, Голден.

– Как-как?

– Голден!

– Но это же... золото по-английски?

– Вот-вот! Я же и говорю, он на золоте заикнулся, прямо пунктик у него. А ты говоришь, не гоняется!

– Я ничего не говорю, просто предположила. И много у вас здесь таких... на золоте заикнувшихся?

– Да ну, глупости! Живут люди обычной жизнью, по обыкновенной земле ходят.

– Ну, не совсем по обыкновенной. Город-то ваш и образовался благодаря тому, что на золоте стоял.

– То золото в земле! Его геологи ищут да на приисках добывают. Это раньше старатели ковырялись, где хотели. Да и не стало его теперь столько, как и в вашей Волге рыбы. Во всяком случае, в промышленных масштабах поблизости от Ильменска его уже не добывают. Большинство уральцев золото видят в ювелирных магазинах, когда обручальное колечко покупают или, там, серьги жене в подарок.

– А почему, все-таки, Голден – «Детдомовец»?

– А Андрюха его еще и беспризорником кличет. Пес у него уж очень гульливый, прямо повернутый на собачьем сексе, как хозяин на золоте. Как бы далеко не бегала собачья свадьба, он учует и сбежит. Ни цепь его не удержит – скинуть умудрится, ни забор – подкоп сделает. И домой по своей воле не возвращается, его уже знают в округе, подкармливают иногда. Набегается, к ближним улицам начинает потихоньку подбираться. Андрюха его где-нибудь на улице отлавливает и ведет домой. Так-то он кобель умный и по своей воле домой не идет, устраивает неожиданную встречу. Знает, что, вернись он домой самостоятельно, по доброй воле, хозяин в сердцах и пенделя может дать, едва калитку откроет. А так, вроде как случайно встретились, хозяин арестовал и домой сопроводил, и пес из хозяйской воли не вышел, послушался, за что ж наказывать?

– Он, наверно, просто вольнолюбивый, этот Голден.

– Ну да, беспризорник и есть. Детдомовец. И все же я на твоём месте в гости к Швондеру не рвалась бы!

– Да я и не собиралась. А что, – спросила Зоя Васильевна помолчав, – есть какие-то основания думать про него плохо?

– Да никаких таких особых оснований. Вроде бы нормальный мужик, разве что холостяк закоренелый. Это в самом-то детородном возрасте! Так Генка вон тоже холостяк.

– Значит, к Генке в гости сходить ты бы не стала меня отговаривать? – подтрунила, развесяясь, Зоя. Пребывая в глубоко преклонном возрасте, она имела все основания не опасаться за свою женскую честь. Да и Швондер отнюдь не производил отталкивающего впечатления, скорее, наоборот.

– Да не в том дело! Просто Генку я знаю как облупленного, он вырос здесь, и вся его жизнь – на наших глазах. А Андрюха, хоть и ильменский родом, но у нас тут появился не так давно. Подзадержался что-то на Лесной или, может, подустал домами торговать. Мы и не знаем толком, что он за человек... Закрывается. Но, однако, Софка, соседка его (у нее в торцевой стенке окно к Швондеру во двор глядит), говорит, что все роет. Да все уже привыкли.

– Ну, золотых украшений я не ношу, кроме, разве что, сережек, так что и грабежа мне тоже опасаться нечего.

– Швондер – в гости! – все качала женщина головой в недоумении...

* * *

– На Лосиную гору не пойдем, – сказала утром Чуча, то есть Татьяна Семеновна, запасаясь двумя объемистыми корзинами.

Не нравилось Зое Васильевне это прозвище, хоть убей! Хотя сама Татьяна Семеновна его и одобрила, и вроде бы ничего особо обидного оно не подразумевало. Ну, прицепилось к человеку навязчивое слово-паразит, так в речи каждого человека они имеются. Но само по себе прозвище уж очень неблагозвучное, режет слух. И Зоя Васильевна для себя «Чучу» решила игнорировать. Да и чуткая Василиса, подметив это и правильно расценив, тоже старалась употреблять пореже.

– А почему не пойдем на Лосиную?

– После Дюнделя там делать нечего, а за ночь они не нарастут!

– А куда пойдем?

– На Тишковскую.

Зоя с Люсей, взявшие по одной корзине (дай бог их-то наполнить), переглянулись и едва свои корзины не выронили.

– Ну, уж нет! – сказала, как отрезала, Люся. – С меня хватит и прошлого раза.

– Ну, чего ты, Люсь? – заканючила Татьяна Семеновна. – Что, теперь мы каждый день в лесу по трупам находить будем? Их все на Тишковскую гору свезли? Я жизнь в Ильменске прожила, а в лесу ни одного мертвеца ни разу не встретила, хотя все кругом здесь исходила не по одному разу. Снаряд в одну воронку дважды не попадает! Зато спокон веков Тишковская – самое место для опят!

Зое тоже совсем не улыбалось собирать грибы в месте их страшной находки, но в словах Семеновны резон был. И, в конце концов, совсем не обязательно идти опять в ту сторону. Тишковская – гора большая. Настолько, что сама она сейчас то место и не нашла бы: в лесу плохо ориентируется, и будет идти, куда ее поведут.

– Ладно, – сдалась Люся.

Ну правда, не возвращаться же с пустыми корзинами? И по части лесных прогулок разве можно тягаться с Чучей?

И они неторопливо побрели, сначала по ельничку и сосняку, потом незаметно очутились в смешанном редколесье, а потом – и по березняку, желтому и золотому от пронизывающих листву солнечных лучей. Иногда поддевали палками листву – подберезовик, сыроежка и даже волнушка разве не гриб?

Как-то так случилось, что, подняв голову, Зоя Васильевна вдруг узнала место. То самое место. Каким-то образом они все же к нему вышли.

– Ой! – сказала она и с упреком взглянула на своего проводника. Дескать, куда ты завел нас, Сусанин Иван?!

Вот же, та самая поваленная высохшая береза с вывороченным могучим корнем. А под торчащим кверху обломком – яма. Только вот листопад за несколько предыдущих дней снова засыпал ее листвой и сравнял с землей. Но ведь...

Дождевую воду, заполнявшую яму, из которой тогда вытащили останки женщины, выкачала машина-сосун. Ее специально пригоняла сюда полиция, чтобы эксперты могли спуститься и как следует обследовать дно. Новых дождей с того времени не было, следовательно, яма должна быть пустой!

И все же листва теперь была вровень с землей. Может, ветром ее туда столько нанесло? Хотя и ветров-то, вроде, не было в последние дни, тихая благодатная погода установилась. Настоящее бабье лето.

Как бы там ни было, человек невнимательный, грибник какой-нибудь, вполне мог угодить в ловушку. Оступиться и упасть в яму, не заметив ее под листвой.

– Надо туда палок навтыкать, по периметру. Край обозначить.

– Хватит и одной, по центру, – возразила Татьяна. – Опытный человек догадается.

– А неопытный?

– Неопытным нечего шляться по лесу! – И она, отломив от лежащей сухой березы довольно толстую ветку, стала водружать ее в середине ямы.

– Слушайте, а палка-то не лезет. Что-то ей там мешает.

Люся и Зоя, стоявшие поодаль, переглянулись. Но все же решились и подошли ближе. Присев на корточки, все трое стали сгребать листья.

– Да яма почти доверху землей засыпана, – в недоумении констатировала Зоя. – И кому это понадобилось?

– Полиции, наверно, кому же еще? – предположила Люся.

– Глупости, – отмахнулась Татьяна. – Для чего им это?

– В целях безопасности! Мы же хотели яму палками огородить?

– Станет полиция этим заниматься! Представляю себе картину: вытащили менты труп – и давай копать землю поблизости, таскать ее сюда. Копать новую яму, чтобы засыпать старую.

– Резонно! – согласились подруги. – Значит, какой-то порядочный человек позаботился. Не поленился, вместо того, чтобы палки втыкать! – Зоя Васильевна, как обычно, была преисполнена веры в людскую порядочность.

– Так-то оно так. Но в рыхлую, только что насыпанную землю палка вошла бы легко. А мне что-то мешает ее воткнуть! – пыхла Татьяна. – Этот порядочный человек что, не поленился туда камней натаскать?

– Девочки, давайте пойдем отсюда, – робко пискнула Зоя, одолеваемая дурными предчувствиями.

– Ну, уж нет! – отрезала Татьяна Семеновна и начала споро сгребать землю.

Долго вести раскопки ей не пришлось. Из земли вскоре показался кусок грязной синтетической ткани, точнее мешковины. Потянув за ткань посильнее, Таня вытащила на свет божий уголок грязно-белого полипропиленового мешка. В таких продают сахар или муку мелким оптом, по пятьдесят килограммов. Потом показался и весь мешок целиком.

Строго говоря, мешков в яме находилось два. Просто лежало в них нечто крупное. Один мешок был надет на это крупное сверху, другой снизу, а скреплял конструкцию скотч в несколько витков. Это крупное, спеленатое скотчем нечто было очень похоже очертаниями на тело человека.

Оказывается, снаряд-таки может дважды попасть в одну воронку.

Зоя Васильевна осознала это, что-то прохрипела и отключилась.

Страус

Следователь Антон Коровин говорил своему старшему товарищу Игорю Похвалову:

– Ну вот, дожили, и до своего собственного маньяка.

– Обоснуй! – потребовал Похвалов.

– Пожалуйста! За неделю – два женских трупа в одном месте. Ему что, леса мало? Однозначно, эта яма – его фетиш! У нормальных маньяков какая-нибудь деталь из женского гардероба: бюстгалтер там или сумочка. Но на нашу долю нормального маньяка не хватило, поэтому у нас своя специфика. Он – любитель природы, ему в помещении убивать не кайфово! Представляешь, какие будут заголовки в масс-медиа: «Ильменский лесной маньяк»!

– Я бы не торопился с выводами. Первая красавица пролежала в земле самое малое год. А судя по ее виду, и того больше. И одета была лишь во все свое. И причина смерти – черепно-мозговая травма. Скорее всего, убили ее прямо там, в лесу. Красавица номер два погибла не больше недели назад, и ее экипировали, то есть упаковали.

– Это значит?..

– Значит, убийца не торопился с захоронением, выжидал. Это значит, обстоятельства были другими. Время его не поджимало.

– А может, его эстетические вкусы несколько изменились со временем? Ведь способ убийства тот же: удар по голове тяжелым предметом.

– Предположительно! Мы пока точно не знаем. Ведь ее могли сначала просто оглушить, а умерла она от того, что задохнулась: рот и нос-то у нее были замотаны скотчем.

– Да уж, скотча не пожалел на все, про все!

– Вот! Он что, скотч и мешки с собой в лес таскает?

– Ну, например, если он выходит в лес с определенной целью, на охоту, то почему нет?

– Всё равно не убедительно. Две жертвы – это еще не маньяк. Тем более, с промежутком в два года. Если это маньяк, почему столько тянул? Каждое лето женщины по лесу бродят, и часто поодиночке. Что ему мешало, если он лесной маньяк?

– А если у него периодичность обострений – два года?

– Ты только при операх эту идею не озвучивай, а то тебя два года будут анекдоты преследовать про следователя Коровина и маньяка Щекатилло. Ну не спонтанное это убийство! Следов крови-то ведь не нашли поблизости, хотя все обползали. Дождей в эти дни не было.

– И собака след не взяла...

– И собака, да... Скорее всего, убили в другом месте.

– А яма?

– Ну, яма... Полагаю, он живет где-то в ближайших окрестностях, откуда можно незаметно вывезти труп в этот лес.

– Но если он живет поблизости, то наверняка в курсе про нашу первую находку. Что он, дурак?

– В том-то и дело, что не дурак. Просто воспользовался готовой ямой, чтоб не рыть новую. Это и времени требует, и опасно, могут заметить: сейчас вон сколько грибников шатаются по лесу! А так – нагреб земельки с разных сторон понемногу, присыпал слегка, сверху листьев накидал. В одиночку вполне можно управиться.

– Для этого тоже требуется время.

– Значит, ночью все проделал.

– С фонариком? И никто луч света не заметил? Да про эту гору после первой находки только и разговоров, все глаза сами сюда тянутся.

– Слушай, ну что ты начинаешь? Убийца мог приехать сюда с уже готовой землей в мешке. Выгрузить, засыпать. Вот результат анализа почвы придет, тогда!..

– Следов машины мы ведь поблизости не обнаружили. А по дороге, даже и в лесу, сколько за это время машин проехало? Сено с лугов вывозят, грибники опять же – оставят машину на дороге и идут в лес. Если он местный, то, может, тележка?

– Очень может быть. Но в этом случае убийца тоже оставил ее где-то подальше, следы бы сохранились. Хотя... Тут у нас с первого раза так всё истоптано и заслежено, что он мог бы на тракторе приехать, ни один криминалист не разберет, где чей след. А если тащил волоком или нес на себе, тогда трава успела распрямиться, да листья еще нападали.

– Но ведь место-то – засвеченное? А если вдруг мы выедем со следственными действиями на «уличное»? Разве только он хотел, чтобы труп обнаружили побыстрее?

– Да ну, нет. Сам посудите: на какое «уличное» мы тут могли бы приехать? Проверка показаний на месте происшествия? Как минимум нужен свидетель. Следственный эксперимент? Нужен подозреваемый. Со времени первого убийства столько времени прошло, раз свидетель до сих пор не объявился – значит, и нет его.

– И подозреваемого мы в этих обстоятельствах быстро не найдем.

– Мы даже личности погибшей до сих пор не знаем, – хмыкнул Похвалов. – И не скоро узнаем. Это ж надо поднять дела на пропавших без вести по всему региону в прошлом году и ранее, за период как минимум в год. Их там не один десяток. Хорошо, если эксперты дадут хотя бы приблизительное время смерти, а то пока они ни бэ, ни мэ. И дальше запросы, ответы, сравнение ДНК и все вот это прочее...

– Рассчитывал маньяк, что в деле будет всяк, – попытался скаламбурить Коровин.

– Если даже не всяк, то в любом случае, на «уличное» мы поедем очень не скоро. Осень-зима, дожди и лесная живность сделают свое дело. Как с первой жертвой. Синоптики уже на днях ухудшение погоды обещают. В лес еще долго никто не сунется.

– А вот, еще вариант: думаю, многие бегали на эту яму смотреть, разговоры шли, слух ширился. Потом ажиотаж снизился. И решил наш убивец воспользоваться готовой могилой. По принципу, снаряд в одну воронку дважды не падает. Сработал стереотип мышления.

– Мудрено очень, по-моему... Ну, поглядим. Но тетку эту, что нам трупы регулярно подкидывает, однозначно пора домой отправлять. Иначе, боюсь, она нас новой работой обеспечит.

– Согласен. Она вроде порядочная, прятаться не станет. В случае нужды можно будет потом по телефону связаться.

– Да. Ты позвони ей, скажи, что мы не видим необходимости в ее дальнейшем присутствии. Поблагодари за содействие. Да здоровьем поинтересуйся, не забудь! Да, а эта Мальвина твоя... надеюсь, уже оклемалась от шока?

«Мальвина» – это была Татьяна Семеновна Ельцова, Чуча то есть. Когда Антон прибыл на происшествие в первый раз, состав группы грибников был несколько иным. Во второй его приезд отсутствовали симпатичная девушка Василиса и Анатолий Михайлович Комаров. Комаров этот был мужем женщины, к которой приехала в гости Зоя Васильевна Конева, туристка, обладающая даром находить в лесу вместо грибов женские трупы. Женские, как выяснила следственная бригада, срезав с мешка обвивавший его скотч.

Если быть совсем точным, в этот раз Зоя Васильевна оказалась только «наводчиком», а непосредственно труп обнаружил новый член группы: женщина с голубыми волосами. Несмотря на это, из всей троицы она одна поначалу держалась молодцом.

Зоя Васильевна в ожидании кареты скорой помощи полусидела на земле, опираясь на ствол упавшей березы, уже ею, можно сказать, обжитой. Бледная до синевы Люся, сама в полубморочном состоянии, обмахивала подругу снятым с головы Татьяны Семеновны павлово-посадским платком. Платок был не новый, еще советского производства, но до сих пор не утративший былой яркости красок.

Смысла в обмахивании не было никакого, поскольку в лесу с наличием свежего воздуха проблем не наблюдалось. Наоборот, было даже весьма прохладно, и временами налетал крепкий ветерок. Но Люсе требовалось предпринимать какие-то действия. Ей нужно было отвлекать свой организм движением, чтобы самой не грохнуться в обморок.

Татьяна Семеновна стояла поблизости от них, мертвой хваткой вцепившись в корявую палку, готовая отразить любое нападение неведомого убийцы. Следователь Коровин, поглядывая на нее, подумал: вот так выглядела бы состарившаяся девочка с голубыми волосами из «Золотого ключика», живи она в наше время и питаясь фастфудом.

Только настоящая Мальвина, то есть сказочная, почти уверен был Коровин, под дулом пистолета не поменяла бы свои локоны на пацаний ежик. И что красивого находят немолодые женщины в подобных прическах самых фантастических расцветок? Это же полное уродство – крашенная тифозная щетина!

«А ведь женщина в целом ничего себе, симпатичная. Была в свое время», – высокомерно подумал Антон с высоты своих двадцати восьми лет. Во всяком случае, из всей троицы она производила впечатление самой адекватной и, крепко сжимая в руке свое орудие самообороны, терпеливо вслушивалась в гвалт, поднятый медиками и полицией. Но, скорее всего, смысл услышанного до женщины не доходил, она глубоко погрузилась в себя.

– Какое может быть опознание в данной ситуации? – категорично вопрошала пожилая врачиха.

Она, не заботясь о соблюдении приличий, тыкала пальцем в Зою Васильевну с Людмилой Петровной. И чеканила:

– Вы по долгу службы обязаны знать о последствиях шока! Тем более в таком возрасте! Если вам нужны здесь дополнительные трупы, то, пожалуйста, действуйте! Но я снимаю с себя всякую ответственность. Не смотрите, что они на ногах! Отвечать за этих женщин будете вы, и только вы!

И, упредив ответ следователя, который еще не прозвучал, махнула рукой медбрату и водителю:

– Носилки! Грузите!

Врач не меньше опасалась и за здоровье Мальвины. Ей пережитый стресс тоже даром не прошел. Но по всему судя, в ближайшее время она умирать не собиралась. Более того, ее природная любознательность преодолела естественную робость перед покойником, умершим не своей смертью. Пока медики отвлеклись на других пациентов, женщина, с трудом расцепив скрюченные пальцы, отбросила, наконец, свою палку в сторону и сомнамбулически двинулась к яме.

Слово «опознание» достигло ее ушей и, через небольшой промежуток времени, мозга. Она ожила, словно сломанный, но всё-таки запущенный заново механизм. Влекомая какой-то неодолимой силой, она медленно направилась к своей находке, не ожидая приглашения. Медленно, потому что мышцы еще плохо слушались команды мозга, ноги периодически сбивались с шага. Так блудливая своевольная овца, постоянно отбивающаяся от стада, не подчиняется пастушьему кнуту, и все норовит вильнуть в сторону.

За свою не такую уж и долгую следовательскую карьеру Антону Коровину трупов пришлось повидать достаточно, а вот с сумасшедшими сталкиваться еще не доводилось. Когда Мальвина уже почти нормальной походкой приблизилась к лежавшему на мешках бездыханному телу и бросила на него боязливый любопытный взгляд, случились нелады и с ней.

Она сначала вскрикнула. И это было естественно. То был крик изумления и ужаса. Но потом, после секундной паузы, она забормотала нечто несусветное. Антона по спине пресловутые мурашки устроили гонки.

Одна машина «скорой помощи» уже уехала, во вторую медики еще не полностью загрузились, и следователь Коровин призывно махнул им рукой. Потом, указывая врачу взглядом на Татьяну Семеновну, произнес покаянно:

– Забирайте эту тоже! От греха подальше!

Врачиха кивнула удовлетворенно.

А ведомая под руки к машине Татьяна Семеновна, адресуясь почему-то к врачихе, продолжала выкрикивать:

– Страусиха! Это же страусиха! Шестая, то есть, вторая! То есть вторая и шестая одновременно! Я же в своем уме?

Ой ли? Коровин был далеко не уверен в правдивости последнего долетевшего крика. И при чем здесь страусы?

– Зачем же ты ее отпустил? – спросил Коровина судмедэксперт.

– Индюков у нас разводят, знаю, – в раздумьи отвечал Коровин. – И индоуток. Недавно слышал, перепелок один фермер начал разводить. Но страусы... В нашем климате... Это реально?

– Может, это не про птиц? Может, прозвище жертвы? Верни, вдруг она реально ее знает?

– Да пусть увозят, куда она денется? – махнул рукой следователь.

* * *

Зоя Васильевна пожелала подышать свежим воздухом. Люся позволила ей сегодня встать с постели и выйти на улицу. На днях уже обещали дождь, и сейчас они пользовались моментом: сидели на лавочке возле двора и подставляли лица нещедрому уральскому солнышку, жмурясь от удовольствия. От госпитализации Зоя отказалась наотрез и дала в том расписку.

Отношения с медициной у нее были натянутые. Не то, чтобы не верила она врачам, но и показываться на прием по первому простудному симптому никогда не торопилась.

Некоторое время назад, еще дома, пришлось Зое Васильевне всерьез занедужить. До этого несколько раз участковая медсестра опускала ей в почтовый ящик записки с приглашением посетить поликлинику и пройти диспансеризацию: флюорография там и прочее. В прежние годы такого сервиса за артюховской медициной не водилось, а тут, не пойми с чего, всерьез она обеспокоилась состоянием здоровья пенсионерки Коневой.

В общем, сложилась ситуация, когда все совпало: и самой Зое Васильевне потребовалась медицинская помощь, и заодно медиков можно было успокоить в их хлопотах на предмет ее самочувствия. Отправилась Зоя в медицинское учреждение по месту прописки. Или, как теперь принято по-новому писать в документах, по месту регистрации, совпадающему с местом проживания.

Может быть потому, что посещала Зоя Васильевна свою поликлинику не часто и тамошние порядки были ей несколько непривычны, обстановка казенного учреждения ей не глянулась. Потолкавшись по кабинетам и подлечившись совсем немножко, махнула она рукой и решила жить дальше по принципу Михаила Жванецкого: организм соберет себя сам и потихоньку начнет совершенствоваться.

Вот и сейчас она решила твердо придерживаться этой же парадигмы. Чужой город, чужие медики, неизвестно, чего от них ждать? Разумеется, теперь о скором отъезде Зои, учитывая ее состояние, и речи не велось.

Люся подругу поддержала, благо Толик уже оклемался полностью и даже оказывал какую-никакую помощь жене. Всё-таки счастье, что Люся в тот раз запретила мужу идти в лес!

И вот сидели они вдвоем на лавочке, а мимо как раз проходил Андрей Викторович Швондер. То есть, Прутов. Был он в том же камуфляжном наряде, что и в прошлый раз, только на голове у него сегодня красовалась вязаная шапочка цвета хаки с белой полоской, в тон костюму, поскольку все же попрохладнело значительно. А у воды, конечно, еще холоднее.

Шапочка его не портила. Наоборот, очень шла к карим глазам. А легкая небритость, которая в прошлый раз показалась Зое Васильевне брутальной и даже стильной, усугубилась и выглядела уже неряшливо. Возможно, мужик надумал отпустить бородку.

Как и в прошлый раз, на плече Андрея Викторовича висела замызганная спортивная сумка с рыбацкими причиндалами, а из нее торчал складной спиннинг. Не хватало только Голдена-Детдомовца позади.

– День добрый! – поздоровался приветливо Швондер с дамами, – пустите третьим? Передохну перед подъемом.

– Милости просим, места хватит, – пригласила Люся, подвинувшись. – Тут вот моя подруга все переживает, как это вы на горе живете, взбираетесь-спускаетесь?

– Так привычка, – засмеялся Андрей Викторович. – У нас ведь в какую сторону ни пойдешь, все равно к какой-нибудь горе выйдешь. Бывало, летом в детстве – с коровой, в юности – с рюкзаком. Зимой – на лыжах. Скалолазы мы. Я возле Мелентьевской горы родился, там все детство прошло. А вы, смотрю, не уехали? – обратился к Зое.

– Да вот, приболела, – не стала она вдаваться в подробности.

– Да кто бы на вашем месте не приболел! – тем самым он ненавязчиво проявил свою осведомленность в случившихся событиях. – Да, не очень гостеприимным был для вас наш лес!

– Лес он лес и есть, – сказала Люся. – А на ильменцев у Зои нет причин обижаться. Так ведь, Зоя?

– Чистая правда! – с жаром ответила Зоя Васильевна. – Да и лес, и даже погода были ко мне благосклонны. А то, что нам в лесу пришлось найти, так это же не лес виноват, а люди.

– Ну да, – согласился Швондер-Прутов. – А ко мне в гости вы так и не собрались. Рыбой вас не удивить, грибами, наверное, подруга закормила. Но зато чай у меня с лесной земля-

никой да травами, а к чаю – лесной мед! И я вам такие фотографии покажу! Сразу захотите переехать в Ильменск на постоянное местожительство.

– Ну уж нет! Переезжайте вы к нам. У нас в Артюховске не хуже. У вас лес и горы, а у нас Волга!

– Озера забыли упомянуть. Видите, как у нас всего много: лес, горы, озера, а у вас – одна лишь Волга!

– Но зато какая!

– Да какая там «какая»? Уже не такая, – явно поддразнивал он.

– Увы, совсем уже не такая, – грустно согласилась Зоя Васильевна. – Гибнет река. А ваши лес, горы, озера – разве такие же, как прежде?

– Увы, не такие, – загрустил и Андрей Викторович. – И то правда, вот возьму и перееду в ваш Артюховск!

Собеседница улыбнулась.

– А вы все же приходите в гости! – вновь вернулся он к теме. – Вдвоем и приходите, с подругой. А мне, пожалуй, пора. Спасибо за компанию.

– Слушай, Зайка, – сказала Люся, задумчиво глядя вслед Швондеру. – А правда, чего ему от тебя надо? В самом деле, что ли, влюбился? Даже в Артюховск согласен за тобой ехать. Да ты у нас, мать, роковая женщина!

– Отстань ты от меня со своими глупостями, – грубо ответила польщенная Зоя Васильевна. – Он и тебя, между прочим, пригласил.

– Ну, меня-то он пригласил за компанию. Из вежливости, да чтоб ты, не дай Бог, не испугалась, предположив какого-либо черного умысла. К тому же тебя он приглашает уже во второй раз.

– Просто тебя в первый раз рядом не было!

Тут их пикировку прервал топот с другой стороны улицы, противоположной той, куда ушел Швондер. Резво развернувшись, дамы узрели, что по направлению к ним несется Чуча. Они со вчерашней своей лесной прогулки не виделись.

Если бы не топот, могло показаться, что ее несет над землей мощный ураган или даже смерч, сродни тому, что утащил когда-то Вангу. Но только невидимый. Потому что ни одна нормальная женщина ее возраста и комплекции так бегать не сможет.

Подбежав ли, подлетев, Семеновна буквально рухнула на лавочку, где пять минут назад сидел Швондер, еще место не остыло. И просипела, задыхаясь:

– Страуса арестовали!

И зарыдала:

– Из-за меня все! Старая коряга! Вылезла со своим брехливым языком! И этот следовательно, этот... Бычок, не бычок он, а клещ натуральный! Как пиявка, присосался!.. Я же тогда в лесу не соображала, что болтает мой поганый язык, меня как ошарашило! А этот... пес молодой... прискребся: почему вы так сказали, кого вы имели в виду? Вы что, отказываетесь сотрудничать со следствием? Да то, да се, да вам вменяют пособничество!.. Мне – вменяют! Пособничество, слышали?

– Ну-ка, прекрати! – гаркнула Люся.

Зоя подпрыгнула и схватилась за сердце, а Семеновна захлопнула рот в удивлении. Но тут же снова его открыла и запричитала:

– Люся, ты с дуба, что ли, рухнула? Ты что людей пугаешь? Так ведь я и зайкой могу остаться!

– То есть ты считаешь, что ты людей не пугаешь? Что от твоих воплей никто зайкой не станет?

– Да ведь я на эмоциях! Генку арестовали, только что! Как будто это он Наташку убил!

– Какую Наташку?

– Да Страусиху же свою, господи! Номер шесть!

– А он ее убил?

Истерика Чучи мгновенно прекратилась. Она с недоверием некоторое время смотрела на Люсю, соображая, не прикалывается ли та. А потом рявкнула:

– Ты точно, Люся, сдурела! Генка – убил?

– Так а почему менты решили, что Генка ее убил? Она же, вроде, от него ушла? То есть, он ее выгнал? Она где пропадала все время, эта Страусиха?

Чуча, буравя Люсю яростным взглядом, отчеканила, делая паузу после каждого слова:

– Страусиху. То есть, Наташку. Номер два и шесть. Мы. С вами. Вчера. Нашли. В лесу.

В мешок запакованную.

– А почему ты только сейчас нам об этом говоришь?

– Так меня Колян изолировал! И телефон отобрал! А вы даже не почухались, как я там, жива ли!

– Так и ты же не почухалась, живы ли мы.

– Говорю же, меня Колька изолировал!

– Значит, Наташка после той ссоры вернулась к своему Страусу? Или Генка ее где-то отыскал и убил?

– Да не знаю я ничего! Одно знаю: Генка не убивал!

– Понятно. А зачем следователь к тебе приезжал?

– Я, якобы, вчера кричала, что я ее знаю! Ну, убитую.

– А ты кричала?

– Может быть, не помню. Наверно, кричала. Иначе с чего бы этот следак сегодня с ранья самого ко мне заявился? Хорошо ли я себя чувствую, типа, очень беспокоится о состоянии моего душевного здоровья. Доктор нашелся!

– Он и мне звонил, справлялся, – вступилась Зоя за следователя.

– Да?.. Ну, неважно! Так вот, в состоянии ли я с ним пообщаться? Я говорю, в состоянии, почему нет? Ну он и вцепился, как клещ. Потрошил меня буквально.

– Таня, давай по порядку, – попросила Люся, морщась от Чучиных децибелов. – Первое: бычок, клещ, пес и пиявка – это все, я так понимаю, следователь? Тот, который в лес приезжал?

– Бычком это я его окрестила, – раздался голосок Василисы.

Возле скамейки уже не было тихо и безлюдно. Пока Чуча бурно и слишком громко, на взгляд Зои Васильевны и Людмилы Петровны, дам довольно сдержанных в проявлении эмоций, изливала свое горькое негодование, на ее вопли к ним незаметно подтягивались жители Новослободской. Вскоре лавочка Комаровых была взята в кольцо лицами обоюбого пола, но все же преимущественно женского.

Кольцо дружно повернулось на прозвучавший из-за спин Василисин голос, и Вася протолкалась к лавочке.

– Если это тот же, что и в первый раз приезжал...

– Тот же, – подтвердили Люся и Зоя хором.

– Он такой крепенький, коренастенький, кареглазый... смотрит исподлобья... об шею молодую березку сломать можно... Ну, словом, Бычок!

– Да, – опять хором сказали Зоя и Люся, а Семеновна захохотала истерически и тут же объяснила свой смех:

– Коровин его фамилия!

Вася, гордая своей интуицией, покивала удовлетворенно.

– И он же – клещ и пиявка? – нудила Люся.

– Да говорю же, впился, присосался! Кровосос! И выпотрошил меня!

– Так. Дошли до главного, – продолжала Люся. – Когда нас с Зоей грузили в скорую, ты поперлась смотреть на убитую женщину? Тебе мало было того, что мы ее откопали?

– Поперлась, – вздохнула Чуча, трубно шмыгнув носом. – Вернее, не поперлась, меня ноги сами понесли. Но мне же было интересно! Вдруг я ее знаю?

– И выяснилось, что ты-таки ее знаешь. И ты об этом сказала полиции.

– Ничего я полиции не говорила! Я просто закричала, не сдержавшись! Я была в шоке! Ты бы разве не закричала?

– Я бы не поперлась. Ноги бы меня никуда не понесли. Мне бы не было интересно. Что там, возле человеческого трупа, может быть интересного?

– А сегодня утром приехал этот... Бычара и меня выпотрошил, – не пожелала Таня отвлекаться от темы и вступать в дискуссию. – И Генку потом арестовали.

– Ну, пошли по третьему кругу! – пресекла Люся ее вопли.

– Но это точно была Наталья? – вклинилась Зоя. – Ты уверена? Ты успела ее хорошо рассмотреть?

– Да точно, точно. Что я, Наташку бы не узнала? Она ж совсем недавно со мной здоровалась. Когда от Генки уходила. И куртка на ней та же самая. Я и этому... сказала, что больше никуда не поеду удостоверяться, я и так уверена. И Коля сказал: никуда она не поедет, хватит с нее опознаний, и так лекарствами дом провонял!

– А тогда чего ты орешь не по делу? Ну да, ну опознала, и что? Ты в любом случае обязана была признаться, что знаешь убитую. Это твой гражданский долг!

– Да не пошла бы ты со своим долгом? Раз Генку из-за меня арестовали!

– Ну, послушай, Таня, – попыталась вразумить ее Зоя Васильевна, – там разберутся. И если Гена не виноват, его отпустят, я знаю. У меня следователь есть знакомый...

Чуча сардонически захохотала.

– Отпустят? Знаешь? Мы тоже кое-что знаем, хоть у меня и нет знакомого следователя. Знаем мы, как они там работают! Процент раскрываемости повышают!

– Но ведь безо всяких оснований человека не могут арестовать? Значит, какие-то основания есть?

– А как же! Она ведь какое-то время жила в его доме, причем дважды. Чем не основание? Но если Генка такой монстр, зачем она явилась сюда во второй раз? Не разобралась в нем с первого раза?

– Нет, Генка не может убить, – сказал женский голос из толпы.

– Не может, – поддержал мужской голос.

– Да как вы можете быть в этом уверены? – возмутилась Василиса. – В душу человеку ведь не заглянешь?

– Он здесь родился! И среди нас всю свою жизнь живет.

– Мы знаем его как облупленного. Нет, Генка не мог...

Однако, какое редкостное единодушие! – поразила Зоя. Это что ж за такой положительный персонаж Генка-Страус? Ей не пришлось с ним ни разу столкнуться за месяц.

– Да при чем же здесь «родился-пригодился»? – горячилась Василиса. – Это не аргумент! Они же ругались между собой? Тетя Таня, ты сама говорила!

Тетя Таня взглянула на Василису с презрением.

– Мы с Коляном через день ругаемся. И периодически грозимся друг друга убить. Однако вот живы до сих пор.

– Так у вас же любовь! – с ехидцей в голосе пояснил кто-то в толпе.

– Колян Танюху даже стрижет сам! От большой любви! – добавила другая соседка, и люди захихикали.

Татьяна Семеновна буквально окаменела, потом круто развернулась и окинула развеселившуюся толпу ястребиным взором. Она пыталась определить анонима. Порывисто осушив рукавом куртки слезы и сопли, она издевательски осведомилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.